

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.597-605

ИСТОРИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО КАРАНТИНА В XIX ВЕКЕ

Наталья Дмитриевна Борщик

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция отечественных карантинных учреждений Российской империи, начиная с их зарождения и заканчивая формированием комплексной государственной системы эпидемиологического контроля. Показано, что Севастопольский карантин, имевший свою специфику, был значимой частью этой системы. Развиваясь как главный черноморский военный порт страны, Севастополь в 1830-е гг. стал местом главных событий крупнейшего «холерного бунта» в России, в 1850-е гг. – эпицентром военных действий в ходе Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг., последствия которой оказали большое влияние на изменение российского карантинного законодательства. Установлено, что Севастопольский карантин во время своего существования был важным форпостом в предотвращении распространения инфекционных заболеваний. Привлеченные источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволяют достоверно реконструировать структуру и деятельность Севастопольского карантина на протяжении XIX столетия.

Ключевые слова: Российская империя, Крымский полуостров, Севастополь, санитарные учреждения, карантины

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01285 «Таможенные органы, пограничная стража и карантины Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи (вторая половина XIX в.)», <https://rscf.ru/project/24-28-01285/>.

HISTORY OF SEVASTOPOL QUARANTINE IN THE NINETEENTH CENTURY

Natal'ia D. Borschchik

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

arktur4@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8234-4381

Abstract. This article examines the evolution of domestic quarantine institutions of the Russian Empire from their origin to the formation of a comprehensive state system of epidemiological control. It has been shown that the Sevastopol quarantine with its own specifics was a significant part of this system. Developing as the main Black Sea military port of the country, in the 1830s Sevastopol became the scene of the main events of the biggest “cholera riot” in Russia, and in the 1850s the epicenter of military operations of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856, the consequences of which greatly influenced the changes in Russian quarantine legislation. It has been discovered that the Sevastopol quarantine was an important outpost in preventing the spread of infectious diseases. The sources attracted, many of which are introduced into the scholarly circulation for the first time, make it possible to reconstruct with reliability the structure and activities of the Sevastopol quarantine throughout the nineteenth century.

Keywords: Russian Empire, Crimean Peninsula, Sevastopol, sanitary institutions, quarantines

Acknowledgments: The study was financed by the grant from the Russian Science Foundation with the project no 24-28-01285 *Custom Bodies, Border Guards, and Quarantines in the Crimean Peninsula within the State Government System of the Russian Empire (Second Half of the Nineteenth Century)*, <https://rscf.ru/project/24-28-01285/>.

История борьбы с эпидемиями инфекционных заболеваний в нашей стране насчитывает не одно столетие. Изучение деятельности санитарно-карантинных учреждений актуально и в наши дни при совершенствовании взаимодействия различных государственных служб, в обязанности которых входит защита жителей страны от инфекций. В современных условиях, после недавней пандемии коронавируса (COVID-19), изучение успешного досоветского

опыта деятельности соответствующих органов и разрабатываемых ими профилактических мер является своевременным и социально значимым.

Важные для социума вопросы противодействия инфекциям обусловили достаточно обширную историографию изучения эпидемий в стране и за рубежом. Проблемами распространения инфекционных заболеваний и борьбы с ними в дореволюционный период занимались в основном историки медицины. И в наши дни исследователи вновь обращаются к изучению организации дореволюционных карантинов как действенного способа профилактики вирусных инфекций. Эта тема стала предметом и авторских исследований [2; 3; 4; 10].

Источниками для настоящей статьи выступили документы из Российского государственного исторического архива (далее РГИА), Государственного архива Республики Крым (далее ГАРК) и ГКУ «Архив города Севастополя» (далее АГС). Привлечены также нормативно-правовые акты, регулирующие сферу медицинского и карантинного законодательства из «Полного собрания законов Российской империи» (далее ПСЗРИ), опубликованные письма первого правителя Таврической области В. В. Каходского за 1784–1787 гг., мемуары русского писателя и дипломата А. С. Грибоедова за 1819–1825 гг. и севастопольского врача морской службы Н. И. Закревского за 1830–1831 гг., отчеты градоначальников Севастопольского градоначальства за 1870-е гг.

Попытки организации отдельных «карантинных домов», «карантинных застав» властями Российской империи предпринимались неоднократно, но только в конце XVIII – начале XIX в. был взят курс на создание единой государственной карантинной службы со своими штатами, финансированием, материально-техническим оснащением и т.д. Для Крымского полуострова, вошедшего в состав Российской империи в 1783 г., катастрофичные по своим последствиям вспышки чумы, холеры, тифа и других болезней не были редкостью; в научной литературе есть сведения о подобных «моровых поветриях», начиная с XIV в. [9]. Установлено, что еще в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., после присоединения османских территорий в Крыму, солдаты русской армии массово заболевали, в результате чего князь Г. А. Потемкин даже обращался к Екатерине II с просьбой открыть «карантинные дома» в Керчи и Еникале [3; 8]. В 1776 г. вышел указ Екатерины II «Об учреждении в Новороссийской и Азовской губерниях портовых и пограничных таможен и застав по прилагаемому у него штату» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14473, с. 385–387], согласно которому во всех открываемых портовых таможнях были организованы и карантины. В Крыму, таким образом, в 1776 г. впервые начали действовать два государственных карантина (при Керченской и Еникальской таможенных заставах), которым «полагается лекарей в каждой 1 (пользовать не токмо таможенных служителей, но и всех прибывающих в карантин), подлекарей 1, цирюльников 1, копиистов 1». Предполагалось израсходовать «на построение таможен и карантинов … единовременно в Новороссийскую 16000, в Азовскую 20000, а в обе губернии 36000 [руб.]», ежегодные траты из казны на каждый карантин составляли 1400 руб., включая жалование сотрудникам и «на дрова для окуривания и топление печей, деготь, уксус, курительные порошки, лекарства, на починку самого карантина и прочее» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, с. 239].

Известно, что в первые годы после присоединения Крыма к России, в 1784–1785 гг., здесь была эпидемия т.н. «желчной горячки», симптомы которой первый правитель Таврической области В. В. Каходский описывал следующим образом: «страждающие оной вначале чувствуют небольшой озноб, тоску и потом подвержены сильным рвотам со спазмами» [1, с. 257]. В своих письмах правителю канцелярии В. С. Попову он сообщал в августе 1784 г.: «из отставных солдат при Ахтмечете 28 человек в лазарете, из письмоводителей трое, из моих людей шестеро больных» [1, с. 238]. Из текста писем В. В. Каходского следует, что успешность всех мероприятий по хозяйственному освоению полуострова, строительству новых городов, портов, дворцов, дорог, подготовке к визиту в Крым императрицы Екатерины II была сильно осложнена из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки. Он с горечью писал о болезни и смерти близких ему людей: «Андрей Андреевич [Шостак] опаснейше был болен, комиссир Теперов умре», «Алекс. Яков. Трегубов, который ездил со мной в Кинбурн, нас оставил. Какое соболезнование причиняет нам утрата сего достой-

нейшего мужа я не могу вам описать», «полковник Евкин от такой же болезни 17 числа сего месяца умре», «пишу к вам из квартиры брата Михаилы Васильевича [М. В. Каходский, старший брат В. В. Каходского, прибыл в Крым в конце 1784 г. – Авт.]. Он совершенно еще не выздоровел, а жена его больна отчаянно. Пользующиеся гг. медики объявили мне, что не имеют ни малейшей надежды на ее выздоровление» [1, с. 244–245, 248]. Болел и сам В. В. Каходский: «По причине моего нездоровья до сих пор в Карасу-Базаре. <...> После моей болезни начинаю приходить в силы, но ходить и сидеть еще не могу» [1, с. 245].

Хотя прибывший 31 января 1786 г. в Севастополь из Константинополя «английский офицер Иоганн Гендерсон с двумя своими племянниками» для «заведения в Тавриде ботанического сада и делания сыра» сообщал В. В. Каходскому, что «во всех жарких климатах сия болезнь почти всеобща и нимало не опасная», и якобы он лично лечил многих «и всех спас, давая рвотное и привезенную им хину», а «симферопольский стаб-лекарь Полторацкий хвастает, что из его больных все выздоравливают» [1, с. 251, 257], было решено 7 марта 1887 г. просить Г. А. Потемкина «учредить на Тамане строгий карантин <...> тем паче что в прошедшие два года <...> сильная была язва» [1, с. 262]. В дальнейшем на полуострове была организована система государственно-карантических учреждений, где Севастопольский карантин играл важную роль.

Законодательное оформление карантинных учреждений в Севастополе началось с указа Екатерины II «О устройении карантинов в Екатеринославской губернии и Таврической области» от 7 июня 1793 г., провозглашавшем создание карантинных учреждений в Севастополе, Феодосии, Евпатории, Керчи и на Таманском полуострове [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 23. № 17131, с. 436–437]. В РГИА в деле «Об учреждении на Таврическом полуострове порто-франко» сохранились сведения «об устройстве» Севастопольского карантинного согласно этому указу [РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 161, л. 59–59об.]. Всего в штате карантинного числилось множество гражданских и военных должностей: 1 карантинный пристав, 2 карантинных надзирателя, писарь, лекарь, подлекарь, переводчик, таможенный служитель, квартирмейстер, 2 обер-офицера, 24 рядовых солдата, карантинный сержант, 20 гребцов на шлюпки, 6 солдат для охраны, 4 рабочих.

При Севастопольском карантине была организована «брандвахта» – досмотр судов на внешнем рейде, до их захода в порт. Как правило, в состав брандвахты входили военные корабли или шлюпки, стоящие на карауле в акватории порта, на борту которых были и медики. В данном случае все прибывающие суда обязаны были останавливаться примерно 0,5 км от севастопольского берега, к ним на шлюпках отправлялись «команда брандвахты»: карантинный надзиратель, переводчик, лекарь, таможенный служитель, офицер с солдатами для досмотра состояния экипажа и ввозимых товаров на предмет выявления заболевших, преступников или контрабанды. Практика досмотра судов непосредственно в морских акваториях, без их предварительного контакта с прибрежной зоной, была инициирована властями с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, пресечения контрабандной деятельности, предотвращения проникновения лиц, находящихся в розыске, а также минимизации рисков возникновения беспорядков, которые потенциально могут быть привнесены судном в порт [ГАРК, ф. 242, оп. 1, д. 127, л. 4].

Государство планировало отпускать из казны по 3288 руб. в год на жалование сотрудникам Севастопольского карантинного, покупку необходимого оборудования и расходных материалов. Сюда же были отнесены траты на «содержание писаря и канцелярские расходы», «ящик с хирургическими инструментами», «порошки, уксус и смолу для окуривания пластика», «медикаменты из Таврической полевой аптеки», «мундиры и провиант для солдат», «муку и крупу для продовольствия нижним служителям» и т.д. [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, с. 213–214].

В 1800 году был принят первый «Устав пограничных и портовых карантинов», в котором четко определялись цели и задачи государственной карантинной службы Российской империи: «Учреждение карантинов при портах и на сухой границе есть одно из самых благонадежнейших средств, избавляющих Государство от опасности, моровою язвой наносимой» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. № 19476, с. 198–224]. Согласно этому документу, Севастопольский

карантин состоял из карантинного дома, карантинной конторы и карантинной брандвахты, в составе которой были два катера и одна восьмивесельная шлюпка. Общая численность сотрудников карантина была увеличена до 75–80 чел. [ПСЗРИ. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, с. 359–360].

Но такое положение дел продолжалось недолго, в 1804 г. был принят указ «О бытии в Севастополе главному военному порту и о снятии находящейся там портовой таможни» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. № 21172, с. 148]. Теперь Севастопольский порт был закрыт для купеческих судов, а все торговые операции (в том числе международные) проводились через Феодосийский и Керченский порты, которые планировалось отстроить заново с необходимой инфраструктурой. Уже с 1805 г. в нормативных документах есть упоминания о действующем Феодосийском карантине, с 1821 г. начал работу Керченский карантинный округ [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. № 28776, с. 874–878].

В результате утраты торговых связей город практически не развивался, доставка необходимых грузов стала проблематичной. И Севастопольский карантин в связи с отсутствием пассажиропотока и товарооборота почти утратил свое значение. В очередном карантинном уставе от 1818 г. сообщалось, что нужно «Севастопольский карантин ввести в общую зависимость карантинов и подчинить его Министерству полиции» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 35. № 27490, с. 474]. А. С. Грибоедов во время своего посещения Крыма так описывал Севастопольский карантин: «Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле Песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четырехсторонней площади к Стрелецкой бухте» [5].

В 1820 г. был принят очередной правительственный норматив, в котором «желая поколику восстановить внутреннюю торговлю в Севастополе, стесненную от запрещения привоза в оный товаров морем» власти решили разрешить Севастопольскому военному порту принимать российские торговые суда, а Севастопольскому военному карантину «поставить в обязанность исполнять во всей точности те же самые правила карантинного устава, коими повелено руководствоваться и другим портам нашим в принятии таковых судов». В штат карантина дополнительно вводились подчиненные Феодосийскому градоначальнику «таможенный надзиратель с двумя досмотрщиками», которые должны были присутствовать «при всякой выгрузке и вскрытии мест, без чего никакие товары не должны быть в карантин приняты и из него выпущены» [ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. № 28164, с. 71]. Интересно, что запрет на принятие в Севастополе иностранных торговых судов оставался в силе.

В научной литературе есть сведения, что в 1830-е гг. в разных регионах России фиксировались массовые вспышки холеры, чумы, тифа и др., по стране прокатилась волна народных мятежей против вводимых правительством карантинных и изоляционных мер, отсутствием подвоза необходимых продуктов и товаров в места «карантинного оцепления» и связанных с ними ростом цен и спекуляции [11]. Одним из самых массовых был «холерный бунт» в Севастополе в 1830 г., о масштабности которого известно из воспоминаний Н. И. Закревского, врача морской службы. Он сам заразился холерой, содержался в «чумном бараке» и очень эмоционально повествовал об ужасных условиях существования: отсутствии элементарных удобств, воды и лекарств, фактах взяточничества и спекуляции местных чиновников, бездействия властей в обеспечении населения продовольствием и топливом, что в итоге и стало причиной народного восстания. Его мемуары были опубликованы в начале 1860-х гг. в нескольких выпусках «Морского журнала» [6].

В другом случае историк Ф. Хартахай, опубликовавший в 1865 г. в журнале «Современник» большую статью «Женский бунт в Севастополе (1830)», считал, что определить «точную причину севастопольского возмущения довольно трудно» [12, с. 363]. Он отмечал, что «карантинная линия, оберегавшая город от внесения в него чумы с моря, не была содержима с надлежащей строгостью, от чего берег, где находились зачумленные, мог без особых затруднений сообщаться с городом и время от времени заражать его жителей» [12, с. 371]. Начальник «карантинных линий» полковник Херхуладзе все необходимые меры ввел «совершенно несвоевременно», поэтому они «были лишены всякого практического смысла».

Возмущало народ и откровенное взяточничество чиновников Севастопольского карантина [РГИА, ф. 1151, оп. 2, д. 48]. События развивались быстро и драматично: в результате народного бунта восставшими были убиты Севастопольский и Николаевский военный губернатор Н. А. Столыпин, инспектор Севастопольского военного карантина Стулли, медик Каменский, карантинный комиссар Боронич с супругой; разграблены и разрушены дома «начальника флота в Севастополе» Патаниоти, контр-адмирала Примо, других «начальственных лиц» [12, с. 380–390].

«Печальные события, свершившиеся в Севастополе», как назвал их император Николай I, привели правительство к идею пересмотра карантинного законодательства и ужесточения карантинных мер. Все участники севастопольского мятежа «для истребления духа своеволия и непокорности» подверглись различным видам наказания, начиная со смертной казни и заканчивая публичными порками. Помимо этого, женатые «нижние чины» были высланы в Херсон, отставные военные, жившие в Севастополе, отправлены в Керчь «для поселения в окрестностях города сего»; в Севастополе запрещалось военным морякам иметь собственные дома и семьи, «жены и все прочие женщины, живущие в слободках», были высланы из города «куда кто пожелает».

В отношении Севастопольского карантина было решено его переподчинить штабу Черноморского флота [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Ч. 2. № 4892, с. 158–159], а фактически военному губернатору Севастополя. М. П. Лазарев, бывший главой Севастополя в 1833–1851 гг., не мало сделал для обустройства карантинных сооружений и нормализации их работы [13]. Он же инициировал запрос властям о статусе Севастопольского карантина, поскольку новый карантинный устав 1832 г. все подобные учреждения «разделял на карантины центральные и частные, и на заставы сухопутные и береговые» [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 8. Ч. 1. № 6367, с. 452]. Другими словами, Севастопольский карантин был «не поставлен ни в какой из вышеупомянутых разрядов», что создавало определенные сложности при утверждении его штатного расписания, объемов выполняемых функций и пр. В результате 1 августа 1833 г. было Высочайше утверждено Положение комитета министров «О применении карантинного устава 1832 года по Севастопольскому карантину», где ему предписывалось принимать и обслуживать не только военные суда, но и «все таковые суда сомнительные и даже зараженные, с состоящими на оных людьми и животными, и производить над ними очищение» [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 8. Ч. 1. № 6367, с. 452].

В новом карантинном уставе 1832 г. специально оговаривался штат Севастопольского военного карантина, состоящий из карантинного дома и карантинного правления. Всего числилось 12 должностей: инспектор, комиссары, лекари, переводчики, казначей, канцелярские служители и пр. Впервые кроме должностных лиц, военных и медиков в штат Севастопольского карантина вошли на общественных началах «член от флота штаб-офицерского чина» и «член от жителей города по выбору» [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. Штаты и табели, с. 148].

Вместе с карантинным уставом 1832 г. был принят документ о карантинной страже – специальных воинских подразделениях, служивших при карантинах. Из солдат и офицеров карантинной стражи создавали при необходимости оцепление населенных мест, где выявлялась инфекция; они охраняли периметр карантинных учреждений, препятствовали доступу в «чумные бараки», поддерживали режим изоляции в целом. Для Севастопольского карантина была создана отдельная Севастопольская рота, в составе которой в совокупности было 165 человек: военные (офицеры, солдаты), медики (лекари, фельдшеры, цирюльники), гражданские специалисты (делопроизводители, строители, конюхи, разнорабочие) [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. Штаты и табели, с. 153–154].

Необходимо отметить, что сведения о Севастопольском карантине в первой половине XIX в. в ГАРК крайне скучны, самостоятельный фонд этого учреждения не сохранился. Отдельные упоминания о деятельности Севастопольского карантина и его должностных лицах есть в РГИА [РГИА, ф. 560, оп. 11, д. 557, 594].

Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг. внесла свои коррективы в существование крымских карантинов вообще и Севастопольского в частности. Как известно, город очень пострадал и обезлюдел в ходе военных действий и осады войсками неприятеля; большин-

ство зданий, в том числе и карантины, было разрушено и разграблено. Но эпоха Великих реформ 1860-х гг., визиты Августейших особ в Крым и оживление здесь деловой жизни на повестку дня ставили вопросы введения противоэпидемиологических мер, в том числе и возобновления карантинной системы. Об этом известно из переписки управляющих крымских карантинных округов с Таврическим губернатором и вышестоящим начальством [ГАРК, ф. 195, оп. 1, т. 3, д. 1639; ф. 242, оп. 1, д. 1, 10]. Особое беспокойство по вопросу «возобновления» крымских карантинов выражал управляющий Керченским карантинным округом А. П. Савицкий, грозя повторением севастопольского «холерного бунта» 1830 г. [3].

Согласно принятому в 1866 г. новому карантинному уставу Севастопольский карантин был преобразован в Севастопольское карантинное агентство 1-го класса в составе Феодосийского карантинного округа [ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Ч. 2: Штаты и таблицы, с. 243–245], в связи с чем управляющий Феодосийского карантинного округа Пекарский распорядился уничтожить дела Севастопольского военного карантина и упразднить самостоятельную Севастопольскую карантинную полуроту [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 4]. В результате анализа его переписки с начальником Одесского военного округа установлена точная дата основания агентства – 29 января 1867 г., что является важным хронологическим ориентиром в контексте формирования системы карантинных мероприятий в Российской империи [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 1, 96]. Отныне при Севастопольском карантинном агентстве служили военнослужащие Феодосийской полуроты карантинной стражи. Сохранился «Список нижним чинам на 1869 г.», согласно которому службу в Севастополе проходили: «Старший гвардиион Василий Печенкин, младшие гвардионы Андрей Назаренко, Филипп Сабловский, Тимофей Кравцов, рядовые: Харитон Кузменко, Лаврентий Денисюк, Андрей Микрюков, Тимофей Карчемный, Никита Николаев, Дмитрий Перминов, Илья Мальцов, Абрам Щур, Афанасий Гусенко». Возглавил Севастопольское карантинное агентство в 1876 г. карантинный агент А.А. Козелло, комиссаром был Деламуре, командовал полуротой Феодосийской карантинной стражи штаб-капитан Страхович, сменивший на этом посту майора Нестора Казанли [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 6, л. 53, 60].

Первый Севастопольский градоначальник П. А. Перелешин в своем всеподданнейшем отчете за 1874 г. писал о бедственном положении города, лежавшем в руинах даже спустя 20 лет после окончания войны: «От недостатка населения в этой части территории многие участки земли, годные для садоводства, остаются неразработанными... Сельскохозяйственная промышленность находится в упадке, в таком же положении находится промышленность» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3795, л. 591–621]. Тем не менее, есть сведения о строительстве в это время каменной оградной стены и двух пристаней при Севастопольском карантинном агентстве [РГИА, ф. 1293, оп. 154, д. 3].

Указом императора в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1877–1878 гг. «приморские уезды Херсонской и Таврической губерний, Крымский полуостров» объявлялись на военном положении, а Одесский градоначальник получал «права военного губернатора» в регионе, о чем Севастопольский градоначальник вице-адмирал Никонов извещал местных чиновников, в том числе и Севастопольского карантинного агента А. Козелло [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 12]. Карантинному агенту предписывалось «в случае объявления войны» упаковать «все дела агентства за 10 лет» и вывезти из города «под присмотром двух солдат» либо в Симферополь, либо в Феодосию. А. Козелло телеграфировал, что «квартира нанята Симферополе, уплачено 35 руб. месяц, дела почти готовы к отправке», на их «куупорку» потрачено 20 руб., «провиант двум нижним чинам для сопровождения документов заготовлен» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 15].

Но карантинное агентство в военное время продолжало работать в штатном режиме. Сохранились циркуляры военного губернатора, управляющего Феодосийским карантинным округом, начальника приморской обороны города Севастополя, начальника береговых батарей и других должностных лиц с требованиями быть бдительными «относительно судов, пристающим к берегам», не допускать «их сообщения с расположенным по прибрежью войсками во избежание занесения эпидемических болезней». В свою очередь, майор Казанли сообщал, что вверенная ему Феодосийская полурота карантинной стражи следит, «чтобы войска, расположенные по прибрежью, не сносились и не соприкасались с коммерческими

судами и лицами, прибывающими с моря, в устранение эпидемических заболеваний» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 28, 30].

К 1882 г. в штате карантинного агентства числились: карантинный агент Козелло, комиссар Деламуре, карантинный врач Куликов и «исправляющий дела комиссара не имеющий чина» Вриони [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 110, л. 5]. Штат «Севастопольской карантинной команды, состоящей при агентстве», возглавляемой подпоручиком Тахтаевым, выглядел так: «По списку строевых: обер-офицеров 1, унтер-офицеров 1, рядовых 22; нестроевых: унтер-офицеров 1, рядовых 3» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 88, л. 28; д. 129, л. 18].

Командовал в это время Феодосийской полуротой карантинной стражи штаб-капитан Страхович, есть сведения о служивших в это время в Севастопольском карантине «унтер-офицере Ефиме Ивашковском, надзирателе Василии Таранове, фельдшере Петре Иванове, младших гвардионах Викентии Ткаче, Франце Хайнцком, Гавриле Воронине» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 78, л. 57–57об.]; рядовыми при Севастопольском карантинном агентстве служили «Иван Мехейчик, Мартын Павлюк, Трофим Гонцов, Иван Польской, Оверьян Ковуненко, Илья Гейка, Трофим Овчаренко, Иван Дольченко, Прокофий Скибицкой, Федор Переверзев, Иван Резанов, Иван Желябовский, Василий Кирпо, Сергей Пенков, Павел Алексеев, Иван Лыков, Гаврил Каравачевцов, Терентий Гаврилов, Корней Добряков, Петр Морев, Тимофей Сафонов, Абрам Злобин». Средний возраст рядовых составлял 22–23 года [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 110, л. 7; д. 88, л. 19].

В 1884 г. были несколько изменены карантинные правила в отношении судов, «пришедших из заграничных портов». Например, карантин приходящих из Египта судов заменялся сначала «простым медицинским осмотром всего вывозимого на судах с чистым патентом» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 125, л. 9], затем, с появлением случаев холеры был заменен «пятидневной обсервацией судов с чистым патентом, приходящих из Египта, Аравии, Индии и Китая», а суда «нечистым патентом по холере» подвергались двухнедельному карантину [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 125, л. 13]. Севастопольский карантинный агент А. Козелло обращался к начальнику Феодосийского карантинного округа за разъяснениями по поводу карантинных мер по отношению к «мусульманским богомольцам», которые возвращались на пассажирских теплоходах из паломнических поездок в Мекку. В ходе длительной межведомственной переписки между Севастопольским градоначальником вице-адмиралом Рудневым, императорским посольством в Константинополе, медицинским департаментом и товарищем министра внутренних дел была достигнута договоренность для судов «с чистым патентом» устанавливать 24-часовой карантин [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 125].

Из архивных документов известно о кадровом кризисе в агентстве середины 1880-х гг., о противостоянии руководства карантинного агентства (агента А. Козелло, комиссаров И. Грончевского и В. Пьянкова) с карантинным врачом Куликовым. Конфликт разгорелся из-за новшеств Куликова во время временного исполнения им обязанностей карантинного агента: перенос канцелярии агентства, находившейся при квартире руководителя агентства, со всем имуществом и документами в порт, в опросный дом. Позже выяснилось, что несколько дел утрачено. Стороны взаимно обвиняли друг друга в «служебных упущениях», невыполнении должностных обязанностей, срыве сроков обследования заходящих в Севастопольский порт судов [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 50, 129, 134].

О личности карантинного агента известно следующее: Александр Антонович Козелло, «из дворян, римско-католического вероисповедания», закончил курс в Московском университете, получил степень «лекарь с отличием, оператор-акушер» в 1862 г., начал свою трудовую деятельность в том же году в Санкт-Петербурге в должности врача-практиканта в больнице для чернорабочих. Во время «бывшей в Санкт-Петербурге холеры состоял в штате медицинских чинов, принимавших участие в прекращении оной в 1866 г.», служил «городским врачом-акушером при Санкт-Петербургской полиции», затем участковым врачом при Врачебно-полицейском комитете. В 1871 г. был командирован в Олонецкую (июль–август) и Екатеринославскую (август–октябрь) губернии «для прекращения холеры». Севастопольским карантинным агентом назначен 24 ноября 1876 г., 20 января 1891 г. «уволен от службы в отставку с мундира должности агента» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 148].

В Памятной книжке Таврической губернии за 1896 г. есть сведения о персональном составе Севастопольского карантинного агентства: «Карантинный агент лекарь надв. сов. Л. М. Козловский, комиссары кол. ас. Л. Я. Езерский, кол. ас. В. А. Рукавишников» [7]. В формулярном списке о службе Л. М. Козловского сохранились такие данные: Лев Михайлович Козловский, православный, из священнослужителей. По окончанию курса наук в Императорском университете Св. Владимира в Киеве утвержден в степени лекаря, о чем выдан диплом в 1884 г. С 1 января 1891 г. назначен Севастопольским карантинным агентом [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 50, л. 62]. О комиссаре Севастопольского карантинного агентства Езерском известно: «Людвиг Яковлевич Езерский, из штаб-капитанов, римско-католического вероисповедания», «воспитывался в Гродненской гимназии, но курс наук не закончил», в 1874 г. «вступил в штат Екатеринославского губернского правления» в должности помощника делопроизводителя, в конце 1870 – начале 1880 гг. работал в губернских правлениях Нижегородской, Пермской и Таврической губерний. В 1882 г. в Таврической губернии был назначен «начальником газетного стола» и редактором официальной части «Таврических губернских ведомостей», 29 июля 1886 г. «определен комиссаром Севастопольского карантинного агентства» [АГС, ф. 22, оп. 1, д. 149]. К сожалению, приходится констатировать, что в описи фонда Севастопольского карантинного агентства в ГКУ «Архив города Севастополя» последнее дело датируется 1888 г. [4], остальные документы не сохранились.

Таким образом, проанализировав данные архивных и печатных источников, можно прийти к следующим выводам. Севастопольский карантин на протяжении всего XIX столетия выступал составной частью государственной карантинной системы на южных границах Российской империи, что позволило эффективно противодействовать эпидемическим угрозам и минимизировать их негативные последствия для населения и экономики региона. После вхождения полуострова в состав Российской империи в 1783 году, Севастополь (как и Крым в целом) не только обеспечил geopolитическую стабильность, но и стал важным форпостом по предотвращению инфекционных заболеваний и их распространения вглубь России. Слова А. С. Грибоедова, написанные им во время путешествия по Закавказью в 1819 г.: «Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать» [5, с. 67] верно отражают историческую повседневность того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Мурзакевич Н.Н.] Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правительству канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 235–361.
2. Борщик Н.Д., Прохоров Д.А. Пограничная и карантинная стражи Таврической губернии (конец XVIII – середина XIX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 8–16.
3. Борщик Н.Д. Всеподданнейшие отчеты губернаторов и градоначальников в фондах Государственного архива Республики Крым // Библиография. Археография. Источниковедение: Сб. статей и материалов. Вып. 5 / Ред.-сост. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб.; М.: Старая Басманная, 2021. С. 130–139.
4. Борщик Н.Д. Карантинные учреждения Крымского полуострова во второй половине XIX в. (по материалам ГКУ «Архив города Севастополя») // История и архивы. 2025. № 7 (2). С. 12–21. DOI: 10.28995/2658-6541-2025-7-2-12-21.
5. Грибоедов А.С. Путевые записки: Кавказ – Персия. [Тифлис]: Заккнига, 1932. 90 с.
6. Закревский Н.И. Севастополь, 1831 год (Записки врача морской службы) // Морской журнал. 1862. Т. 54, № 3–4. С. 44–86.
7. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1896 год / издание Таврического губернского статистического комитета. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1896. 200 с.
8. Об учреждении карантинных домов в Керчи и Еникале // ИТУАК. 1893. № 19. С. 26–27.
9. Прохоров Д.А. О стихийных бедствиях на Крымском полуострове // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь, 2017. С. 57–75.
10. Прохоров Д.А., Борщик Н.Д. Деятельность таможенных и карантинных учреждений Российской империи во второй половине XIX в. в документах Государственного архива Республики Крым // МАИЭТ. 2024. Вып. XXIX. С. 491–499. DOI: 10.29039/2413-189X.2024.29.491–499.

11. Смирнова Е.М., Ерегина Н.Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: Власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–47.
12. Хартахай Ф.А. Женский бунт в Севастополе. (1830) // Современник: журнал литературный и политический. 1865. Т. 110, № 9–10. С. 363–395.
13. Черноусов А.А. Деятельность адмирала М.П. Лазарева на посту Военного губернатора Николаева и Севастополя // Причерноморье. История, политика, культура. Новая и новейшая история. Вып. I. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузиницына. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009. С. 10–20.

REFERENCES

1. [Murzakevich N.N.] Letters from Vasily Vasilyevich Kochovsky, Ruler of the Tauride region, to V.S. Popov, Ruler of the Chancellery, for a report to His Serene Highness Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities], 1877, vol. 10, pp. 235–361.
2. Borshhik N.D., Prohorov D.A. Border and quarantine guards of the Tauride province (late 18th – mid 19th centuries). *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 2019, no. 3 (51), pp. 8–16.
3. Borshhik N.D. The most loyal reports of governors and mayors in the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. A.I. Razdorskij, D.N. Shilov (Eds.), *Bibliografija. Arheografija. Istochnikovedenie: Sbornik statej i materialov* [Bibliography. Archaeography. Source study: Collection of articles and materials], Iss. 5, St. Petersburg, Old Basmannaya Publ., 2021, pp. 130–139.
4. Borshchik N.D. Quarantine institutions of the Crimean Peninsula in the second half of the 19 th century (based on the materials from the Archives of the city of Sevastopol). *Istoriya i arhivy* [History and Archives], 2025, no. 7 (2), pp. 12–21.
5. Griboyedov A.S. *Putevye zapiski: Kavkaz – Persia* [Travel notes: Caucasus – Persia]. Tiflis, 1931, 90 p.
6. Zakrevsky N.I. Sevastopol, 1831 (Notes of a doctor of the naval service). *Morskoy zhurnal* [Marine Journal], 1862, vol. 54, no. 9–10, pp. 44–86.
7. *Kalendar' i pamyatnaia knizhka Tavricheskoi gubernii na 1896 god* [Calendar and commemorative book of the Tauride province for 1896]. Simferopol, 1896, 200 p.
8. On the establishment of quarantine houses in Kerch and Yenikale. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii* [News of the Taurida Archival Commission], 1893, no. 19, pp. 26–27.
9. Prokhorov D.A. On natural disasters on the Crimean peninsula. N.I. Khrapunov, D.V. Konkin (Eds.), *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of integration of Crimea into Russia, 1783–1825], Sevastopol, 2017, pp. 57–75.
10. Prokhorov D.A., Borshchik N.D. Works of the Russian Empire's Customs and Quarantine Offices in the Second Half of the Nineteenth Century according to the Documents from the State Archive of the Republic of the Crimea. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2024, vol. 29, pp. 491–499.
11. Smirnova E.M., Eregina N.T. “Quarantines Nearly Incited Revolt in 16 Provinces”: Government, Physicians, and the Russian Public in the Fight against Cholera Epidemics (19th – Early 20th Centuries). *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2021, no. 2 (68), pp. 33–47.
12. Khartakhai F.A. Women's riot in Sevastopol (1830). *Sovremennik* [The Contemporary], 1865, vol. 110, no. 9–10, pp. 363–395.
13. Chernousov A.A. Admiral M.P. Lazarev's activities as Military Governor of Nikolaev and Sevastopol. *Prichernomor'e. Iстория, политика, культура* [The Black Sea region. History, politics, culture], vol. 1, Sevastopol, 2009, pp. 10–20.

Информация об авторе

Борщук Н. Д. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, Институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.

Author information

Borshchik N. D. – Doctor of Science (History), Professor of the Department of Document Management, Archives and Organization of Work with Youth, Faculty of History, Institute “Taurian Academy”, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: D-1497-2017, Scopus Author ID: 57202778422.